

Елизавета Евгеньевна ФедороваОмский государственный педагогический университет, магистр философии, Омск, Россия
e-mail: liza-filosof@mail.ru

Лицо и маска в повести Н. В. Гоголя «Нос»

Аннотация. В статье анализируется повесть Н. В. Гоголя «Нос». Задача автора статьи состоит в философском осмыслении содержания повести. Автор находит философские смыслы повести и показывает их ценность для философской антропологии и философии культуры. Философская интерпретация, предложенная автором, основывается на раскрытии проблемы сущности человека и осмыслении темы маски в повести писателя. Автор статьи дает этическую оценку образа главного героя повести. Статья представляет интерес для понимания темы маски и развития философских подходов к анализу художественных образов в литературе.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, лицо, маска, сущность человека, социальная роль, идентификация, сознание, философия культуры, философская антропология.

Elizaveta E. Fedorova Omsk State Pedagogical University, Master of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: liza-filosof@mail.ru

Face and Mask in N. V. Gogol's Story "The Nose"

Abstract. The article analyses N. V. Gogol's story "The Nose". The author's task is to philosophically understand the content of the story. The author finds philosophical meanings of the story and shows their value for philosophical anthropology and philosophy of culture. The philosophical interpretation proposed by the author is based on the disclosure of the problem of the essence of man and understanding the theme of the mask in the writer's story. The author of the article gives an ethical assessment of the image of the protagonist of the story. The article is of interest for understanding the theme of the mask and the development of philosophical approaches to the analysis of artistic images in literature.

Keywords: N. V. Gogol, face, mask, essence of man, social role, identification, consciousness, philosophy of culture, philosophical anthropology.

Введение (Introduction)

Ирония, абсурд и гротеск, как формы выражения сложных философских смыслов, пронизывают произведения Николая Васильевича Гоголя. Не является исключением и повесть «Нос», осмысление которой — вполне актуальная научная задача не только в рамках литературоведения, но и для философов.

Литературный обзор (Literature Review)

Философское значение в целом творчества Н. В. Гоголя осмысливается, к примеру, у П. А. Вахрениной [1]. Другой автор определяет писателя в качестве философа, демонстрирует эволюцию его философских взглядов, обращаясь к нравственному содержанию его произведений, к их философско-антропологическому контексту [2]. Показательно, что Николай Васильевич попал под пристальное внимание в рамках проекта аналитической антропологии литературы «Мимесис» [3] в качестве «подлинного творца абсур-

да», как автор «другой», «индивидуализирующей опыт» литературы и как обладатель своеобразного видения: «он видит то, что не может быть видимо» [3, с. 124]. Очевидно, что тексты писателя открыты и актуальны также для разного рода прояснения сложных вопросов отечественного литературоведения [4], с подчеркиванием философских проблем, анализируемых и филологами (с обращением, кстати сказать, и к повести «Нос») [5], для различных форм сравнительного анализа содержания этих текстов с произведениями других авторов в отечественной и мировой литературе [6; 7]. Тем не менее следует отметить, что современные исследования в рамках философско-антропологического и культурфилософского содержания повести Н. В. Гоголя «Нос», конкретно в соотношении с неким философским видением феномена маски, что нас, прежде всего, и интересует, не предпринимаются. Сама же повесть остается эвристичной в своем философском потенциале [8], для сравнительного анализа [9], для поиска экзистенци-

© Федорова Е. Е., 2024

Для цитирования: Федорова Е. Е. Лицо и маска в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (45). С. 52–57. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-45-52-57

альных смыслов [10] и в связи с другими темами [11]. Если учитывать это, представляется актуальной и интересной задача обратить внимание на некоторые аспекты философско-антропологического содержания «загадочной» повести писателя, применяя понятия «лица» и «маски». Осознавая многозначность аспектов изучения темы маски, многоликость форм феномена маски в культуре, будем понимать маску в контексте темы сокрытия лица («маска... покрывает то, что есть на самом деле, а показывает нечто другое») [12, с. 182]. Содержание повести в образе ее центральной фигуры наглядно демонстрирует проблему потери человеческого лица и связанных с этим обстоятельств. Рассмотреть художественный образ, созданный автором повести, через феномен маски, в соотношении с темой лица является вполне актуальной целью для прояснения возможных смыслов философского понимания самой темы маски в антропологическом ключе. Читатель может обратиться к любому изданию повести писателя, так как ссылок на какое-то конкретное издание в статье не будет.

Методы (Methods)

Художественный образ, созданный писателем, предлагается проанализировать следующим образом. Во-первых, будем понимать его в качестве одной из форм *экзистенции* человеческой личности. В этой интерпретации принимаем то отношение к природе человека, которое предложено, как удастся выяснить, автором повести в тексте. Во-вторых, один из методологических подходов к философии культуры вполне применим для решения поставленных в статье задач. Этот подход разработан Н. Г. Краснояровой [13]. Он представляется актуальным, позволяя понимать феномен маски в качестве *концепта*: «концептом может стать образ, когда он становится “сгустком культуры”, то есть схватывает и фиксирует разные планы бытия в их фрагментарном единстве» [13, с. 24]. Маска в таком понимании предстает универсальным образом, схватывающим свойства разных пластов бытия человека, что расширяет границы интерпретации понимания самого человека автором повести. С другой стороны, сам текст Н. В. Гоголя предстает в качестве объекта культуры, репрезентативного с точки зрения воздействия на нравственную составляющую бытия современного человека.

Признавая, что «культура... охватывает сферу творческой свободной деятельности и ее объективно значимых для общества результатов или ценностей» [13, с. 23], обнаруживаем в тексте этический уровень социально-антропологических характеристик художественного мира, созданного писателем, и выявляем определенный *аксиологический* смысл. Этот подход дополняется пониманием *идеалообразующей* функции культуры, значимой в концепции культуры Д. В. Пивоварова («культуру Пивоваров определяет как идеалообразующую сторону человеческой жизни») [14, с. 15]. С опорой на обозначенные подходы в статье предлагается вариант феноменологической интерпретации. Специфика такой интерпретации состоит в понимании и принятии реализма и *антиреализма* образов художественного текста в соотношении с *концептом* маски, предстающим особым антропологическим феноменом. С одной стороны, автор

«Носа» отражает социальный контекст эпохи, позволяет прочувствовать атмосферу реального социального мира, т. е. мысль отталкивается от реального социального мира, в который был включен герой повести. С другой стороны, *антиреализм* гротескового, ироничного, фантастического выражения возможной *телесной метаморфозы* человека в повести создает мыслимую *ситуацию абсурда*. В этом противоречии и развивается интерпретация: автор повести позволяет осуществить духовный (феноменологический) переход читателю-исследователю от эмпирического мира, собственно, к *сознанию*, внутреннему миру как героя, так и самого автора. Николай Гоголь предстает под маской героя, умело применяя особую «речевую маску» (что характерно, к примеру, также и для другого произведения писателя) [4, с. 33–34] и вызывая уже к сознанию самого читателя для пробуждения его нравственной сущности.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Центральным ядром повести выступает фигура майора Ковалева, неожиданно оставшегося без своего носа, что сразу же ставит читателя перед значимой антропологической проблемой — проблемой сущности человека. Казалось бы, на первый взгляд, речь идет о внешней характеристике человека — отдельной части его тела, но автор заставляет мгновенно сознание читателя переключиться от внешности к внутреннему миру героя, к его эмоциям и противоречивому поиску своей сущности, своего лица, с которым отождествить себя без носа не представляется возможным герою повести. Что же такое это Лицо человека и как оно раскрывает личность человека, если такое значение *внешнему* в своем внутреннем мире придает главный герой?

Проблема определения сущности человека и проблема самоидентификации, так или иначе проступающие в повести, формируют антропологическое в философском смысле содержание текста, которое мы и попытаемся раскрыть в статье. *Нос* майора Ковалева, появившийся в облике человека, по Гоголю, в качестве человека не обладает никакими высоко моральными качествами, так как для него «нет ничего священного», может солгать во всем — это есть некая *личина* (ложное бытие перевоплощенного в реального человека телесного элемента). Этот отделившийся образ (личину) вполне можно понимать в качестве *маски* того, кому этот элемент принадлежал. Гипертрофированные в образе воплотившегося носа качества отражают внутренние потребности майора Ковалева. Сам Ковалев свой нос в образе человека называет плутом и мошенником, которого нужно разоблачить. Поэтому Ковалев даже решается обнародовать перед обществом свою беду — сообщить в газету о происшедшем, так как воспринимает произошедшее как мошенничество и плутовство какой-то отдельной сущности, которую необходимо призвать к порядку. Но вот вопрос: как возвратиться к порядку «нос»? Но ведь это уже не нос, не телесная сущность, а целая отдельная личность, вернее сказать, *личина*, ложная сущность, порожденная сознанием майора Ковалева и представленная автором повести в образе живого человека. Дело в том, что потеря, вернее сказать, изменение привычного образа Ковалева с потерей своего носа можно осмысливать как потерю лица героя,

разрушение целостности его мира, которая была связана, прежде всего, самим субъектом с невозможностью в сложившихся обстоятельствах играть привычные социальные роли. Без этих коммуникаций герой не ощущает себя полноценным человеком, как и без самого носа, который в привычном смысле позволял жить и действовать в контексте единства образа героя, так, как он сам это ощущал.

Осознание же своего лица как того лица, с которым Ковалев отождествлял свое «Я», стало возможно только в этих необычных обстоятельствах. В этом смысле автор повести невольно обращает внимание на сложную философскую проблему осознания своего «Я», когда само это «Я», самость человека оказывается в повседневной, привычной жизни человека неочевидной, неявной, неопределенной. Необычное, непредвиденное, из ряда вон выходящее подталкивают человека к поиску самого себя и своей идентичности: через маску (внешнее) к своему лицу (внутреннему «Я»), к целостности своей личности. Маску в данном случае мы обнаруживаем в облике отделившейся телесной сущности героя, как некоего неподлинного субъекта. Этот субъект есть заменитель внутреннего качества личности главного героя — желание иметь более высокий социальный статус, обнаруженное именно в воплотившемся в человека носе.

Сама идея перевоплощения присутствует в художественной литературе (можно вспомнить «Превращение» Ф. Кафки). У Кафки сам герой полностью превращается в насекомое. Гоголевское же перевоплощение героя повести особого рода — тело, точнее часть человеческого тела, которое стало человеком и условно и реально личностью, со своим образом, поступками: нос объявил себя служащим, т. е. обладающим социальным статусом. При этом сами характеристики носа в образе человека как мошенника и плута и позволяют понимать его в качестве маски, ненастоящей личности.

Эта противоречивость, своеобразная ирония, как форма смеховой культуры Н. В. Гоголя, имеет значение для философского обнаружения идеи разрушения целостности человеческой телесности. Потеря целостности, как разрушение внутреннего мира человека, приводит человека на путь потери своего «Я»: это уже не тот человек, не он сам, как он воспринимал себя в целостности своего тела. Это внешне — маска, а внутри — оставшейся без носа сущности — будоражащее, тревожное сознание человека с вопросами: кто есть «Я» и как мне быть теперь в этом мире, теперь, когда случилось это разрушение привычного мира, естественной целостности?

Следует обратить внимание на одну деталь: майор Ковалев беспокоился об изменении облика именно своего Лица! Он размышлял, что если бы исчезла какая-то другая часть тела, например мизинец, то это бы еще ничего страшного, а тут ведь речь идет о носе! Нос как значимая часть лица, в целом облика, показывающегося обществу, беспокоит особо, так как весь образ лица в случае исчезновения изменился. Итак, нет носа — нет лица. В таком контексте размышление о носе, как о самом себе, фактически о своем «Я», подталкивает вновь к тому пониманию, что нос пока как «сбежавшая маска» майора Ковалева.

Автор повести поднимает нравственный вопрос. Этический аспект свершившегося события был не так очевиден, пока Ковалев не встретился с частным приставом, который выражается откровенно: «у порядочного человека не оторвут носа», что напрямую указывает Ковалеву, что он, видимо, сам виноват в свершившейся потере. Такая оценка очень неприятна майору и даже в большей степени обижает его именно как носителя определенного социального статуса. Статус коллежского асессора, т. е. именно чин, социальное звание слишком важны для Ковалева, гораздо больше, чем его личное, индивидуальное, он даже больше за звание обиделся, чем принял на свой личный счет оценку с точки зрения морали. Так, автор повести вновь раскрывает нам нравственный облик героя. Ковалев предстает перед читателем не в самом лучшем свете, в том смысле, что, за пределами своего звания, этот человек уже и не видит ничего в своем внутреннем мире, настолько, видимо, его «Я» уже срослось с той социальной ролью, по сути маской, которая для него имеет глобальное значение.

Если посмотреть на такое видение героя в философском контексте, то феномен маски обозначается вполне на границе социального и экзистенциального бытия человека. Экзистенциальное «ядро» внутренней жизни человека, очевидно, не совпадает полностью с его социальной сущностью, и эти миры человека не идентичны. По своей антропологической природе *экзистенциальное* начинает проступать как противовес всему искусственному, как созданию социального, изначально внешнего по отношению к человеку (статусы, чины, звания). И человек, оказывается, сформировался таким образом, что внешнее стало равным экзистенциальному настолько, что само экзистенциальное, онтологически первичное, за пределами этого внешнего не удастся обнаружить: оно срослось с социальной ролью, маска стала лицом, приросла, сделалась статичной, окаменела в облике социальной роли. Под *экзистенциальным* в антропологическом ракурсе мы понимаем внутренний мир человека, субъективную жизнь сознания и самосознания, в противовес его социальной жизни. Если в сознании человека ничего не остается за пределами утраты социального статуса, то начинает зиять экзистенциальная пустота.

Этот феномен *пустоты*, как пограничная ситуация, должен бы встревожить, взбудоражить, «встрягнуть» ум человека. Все его душевно-телесное существо должно подтолкнуть к рефлексии: кто есть «Я»? Что случилось с моей душой за годы пребывания в социальном мире, если с потерей чего-то значимого для социальных коммуникаций ничего не остается внутри, что наполняло бы жизнь сознания? Вот такие философские вопросы подспудно ставит автор повести перед читателем. Да, мы не находим прямых философских характеристик в литературном тексте, но философское содержание присутствует, и наша задача эксплицировать некоторые его аспекты.

Мы называем нос майора Ковалева «сбежавшей маской» постольку, поскольку ведь нос не есть сущность человека, а лишь часть внешнего телесного облика человека, хотя, конечно, и очень ценная. Если посмотреть на эту тему с точки зрения работы человеческого организма, человек,

по необходимости, без носа перестает быть прежним. Но в этом *гротеске* Гоголь, по-видимому, прежде всего, рисует ту картину осознания героем себя, что часть внешнего облика для этого героя есть сущностная часть. У читателя постепенно складывается такое восприятие, что эта особенная гоголевская художественная форма есть открываемый самим автором, как это ни парадоксально звучит, *покров* того антропологического феномена, что *маска* представляется человеку *Лицом*, так как именно сам человек отождествляет себя каким-то образом исключительно с *внешним*. Поэтому в тексте неявно, но все же можно обнаружить онтологическую составляющую описанного феномена в виде пронизывающего вопроса: насколько такое положение вещей — отождествление внутреннего мира субъекта исключительно с внешним социальным статусом — есть *подлинное* бытие человека?

Подлинное и неподлинное (как таковое), очевидное и скрытое, явное и неявное — все эти онтологические координаты личности показываются на границе балансирования человека между внутренним и внешним, субъективной и объективной реальностями, маской (личиною) и лицом. Лицо героя повести, как и лицо читателя (об этом автор заставляет задуматься), возможно, еще не найдено. Что предстоит открыть человеку в поиске самого себя? Как мы полагаем, предстоит пройти путь от реального к *идеальному*, созидать культуру становления своей личности, нравственности, экзистенциальности. Способен ли пройти этот путь майор Ковалев?

Если понимать культуру как создание идеалов и идеального типа личности, в частности, и в духе этого понимания посмотреть на содержание рассматриваемой нами повести, то читателя, к сожалению, ждет глубокое разочарование при анализе личности главного героя. На путь развития своей личности, после небольших внутренних тревожений в период отсутствия своего носа и с момента его возвращения, этот герой так и не вступил. Как только нос вернулся к своему носителю, Ковалев был так чрезвычайно обрадован, как будто вновь обрел себя, обрел свое «Я», так как теперь он по-прежнему мог стремиться к старым поставленным им социальным целям, к более высокому социальному статусу. Ковалев с возвращением носа вновь мог почувствовать себя человеком, личностью. Здесь, очевидно, значима та онтологическая характеристика бытия человека, подмеченная автором, что человек ощущает свое Лицо целостно, во всех деталях и в единстве со своей природной телесной сущностью, что если что-то рухнет, то первично складывается такое ощущение, что рушится сама личность, как будто уже нет лица. Вместо лица маска в новом образе смотрит на тебя в зеркало, а сама потерянная сущность (нос) в воображении потерявшего способна из пустой телесности преобразиться в одушевленную личность. При этом, что немаловажно, эта воплощенная личность несет в себе индивидуальность ее бывшего обладателя, становится узнаваемой в приобретенном новом облике определенного социального статуса (советник).

Фрагментарность телесности, очевидно, не может восприниматься целостностью так, как мы воспринимаем тело

человека в единстве. Абсурдность образа в повести Гоголя порождает еще одну философскую тему разлада личности с самим собою в непредвиденных, случайных, на первый взгляд, обстоятельствах. Эти обстоятельства формируют для человека ситуацию экзистенциального кризиса: ситуацию неповседневную, необычную и непривычную, более того, на первый взгляд, абсурдную и нереальную. Реальность же ее становится очевидной именно в философском ракурсе через феноменологическую интерпретацию содержания текста рассматриваемого автора, когда от эмпирического в гротескном и абсурдном образе, созданном автором, мы обнаруживаем путь к сознанию человека, когда начинаем понимать, что *трансцендентное (невидимое)* на уровне сознания напрямую не очевидно.

Маска героя, подобно маске автора, начинает снимать покров с самого читателя, который, возможно, уже бывал в ситуации экзистенциального кризиса не раз, или ему еще предстоит пройти подобное. В этом смысле текст Н. В. Гоголя имеет духовное значение. Текст перед нами проявляется как некий культурный код, создающий впечатления от чтения, состоящие в переходе от мира героя к внутреннему миру самого читателя. Самосознание читателя способно проложить мостик из философских смыслов к своему пребыванию в культурном и социальном бытии, к реальному созданию идеального типа личности. Этот «мост» возникает в связи с самим собой идеальным, в преодолении ситуаций экзистенциальных кризисов, в которых предстоит сделать выбор в сторону нравственного развития в противовес тому этическому тупику, который обозначил нам Н. В. Гоголь в образе майора Ковалева. Такой человек, каким предстает перед нами Ковалев, в определенном смысле перестает быть причастным культуре, как бы замыкаясь на себе и своим ограниченном исключительно социальными интересами значимого статуса или его повышения, нивелирует свою душу тем, что идеалы как таковые, наличие универсальных ценностей в духе человечности, перестают существовать для такого восприятия реальности. Человек пролагает границу, за пределами которой невозможно увидеть образ нравственного самосовершенствования и развития человеческой культуры.

Все же культура многолика и многогранна, но без высоких нравственных ценностей и идеалов ее развитие невозможно. Человек, с носом или без носа, способен оставаться человеком при желании сохранить не только свой внешний облик, но, прежде всего, свою душу и духовность. Телесное не может заменить духовное, жизнь души и сознания не может быть заменена выполнением социально значимой роли. Социальная роль как маска, конечно, способна выполнять социально значимые функции, но не перестает быть маской — формой репрезентации человека в мире. Выражает ли маска лицо человека частично или заменяет это лицо? Обретает ли человек через маску свое Лицо или теряет его? Все это значимые в рамках философской антропологии вопросы, варианты ответа на которые мы обнаруживаем в тексте Н. В. Гоголя. Как удалось понять замысел автора, по Гоголю, получается, что потеря либо обретение («возвращение») Лица человека связано с привычным образом (с человеческой природой). Даже если обнаруживается, что

это маска, а не подлинное «Я» человека, это есть то, с чем «Я» себя отождествляет (носитель высокого социального статуса), то здесь нет стремления к *идеальному*, в высоко моральном смысле. Таким человеком движет стремление к тому, что для него ценно — к сохранению определенного положения в обществе и не более того.

Интересно, что представленная гоголевская трактовка отчасти пересекается с известным пониманием темы Лица у Х. Ортеги-и-Гассета. С одной стороны, «каждое лицо, словно в мистическом свечении, вызывает у нас представление о своем собственном, единственном, исключительном идеале» [15, с. 161]; с другой стороны, лицо человеку дано от природы, оно привычное и родное. Нос у Гоголя, очевидно, как часть лица, дан от природы. По Ортеги-и-Гассету, лицо живет сложной жизнью напоказ. У Гоголя ведь тоже статус Ковалева важен — напоказ людям, образ его напоказ другим очень значим.

Та самая идея философа, что Лицо человека не обнаруживается сразу, как-то интересно видна у Гоголя также. Когда Ковалев потерял нос, только тогда он и осознал, обнаружил свое Лицо, оно только теперь стало для него значимым как абсолютная ценность и как то, что он связывал со своей привычной социальной жизнью (социальные дела и коммуникации не представляются ему возможными без своего родного Лица). Чтобы подчеркнуть эмоциональное состояние героя повести в сложной личностной метаморфозе, выражу свое понимание в поэтической форме (в кавычках представлена условная речь Ковалева). «Какой пасквильный вид!» — воскликнул Ковалев, когда увидел в зеркале себя. «Нет носа у меня, и ровное лицо, совсем чужое, смотрит, но не я». «Эй, зеркало, скажи! Куда исчез мой нос? Оставил душу с носом он мою. Как не пытался бы и что б ни делал я, себя без носа все ж не узнаю». «Какое плутовство! — Скажу я Вам, друзья. — Ведь нос сулил советником мне стать. Но вот сбежал сей плут, и больше не видать мне статуса того: ни дать, ни взять!». — «О, Гоголь, Николай! Гротеск твой нам урок: за телом ведь должна проглядывать душа. А коли пусто там, то потеряешь все: с потерей носа за душою ни гроша. Я не смеюсь совсем. Мне Ковалева жаль, хотя вернулся вновь

потерянный беглец. И рад был без ума, что прежнее лицо возвращено хозяину. И повести конец!»

Заключение (Conclusion)

Проведенный анализ повести Н. В. Гоголя «Нос» позволил, через философскую интерпретацию центральной линии содержания текста, частично раскрыть сложную и вполне актуальную философскую тему потери и обретения Лица человеком, которая (в рамках современной философской антропологии и философии культуры) не может быть раскрыта, как представляется, без обращения к анализу феномена маски. Тема маски вполне представлена у рассматриваемого автора, хотя и явно не обозначена. Маска, как форма репрезентации личности, как социальная роль, как заместитель Лица, так или иначе, как форма человеческой культуры, указывает на неявное, неочевидное положение человека в определении своей собственной сущности, в раскрытии своей самости, в понимании своего «Я» на пути самосознания. Феномен маски непосредственно актуализирует проблему идентификации личности, ведь по маске становится видно, как это было показано Гоголем в рассматриваемой повести, какие ценности важны в процессе идентификации (социальные, личные и др.). Коммуникации субъекта способны разрушиться по внутреннему ощущению человека. Герой Гоголя, майор Ковалев, не мыслит общения и достижения социальных целей без маски, вернее, того, что он считает Лицом, но, по сути, мы видим, что Гоголь ставит как раз под вопрос: Лицо ли это? Возникает ощущение, что субъект принимает маску за свое Лицо. Маска также предстает границей Лица — «Я» напоказ.

Итак, нам удалось эксплицировать философско-антропологический контекст работы Н. В. Гоголя, точнее сказать, тех тем, которые Гоголь затрагивает в своей повести «Нос» (тема лица и маски), и предложить один из вариантов философской интерпретации замысла автора. Такой вариант анализа имеет научную ценность для возможных дискуссий по теме маски, для выявления значимых смыслов в развитии философско-антропологического знания, обращаясь не только к современным текстам чисто философского содержания, но и к произведениям классической литературы, богатой на постановку и раскрытие в той или иной мере сложных антропологических вопросов.

Библиографический список

1. Вахренева П. Е. Философские открытия Н. В. Гоголя // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Философия. 2012. № 2. С. 33–46.
2. Безлепкин Н. И. Н. В. Гоголь как философ // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2015. Вып. 3. С. 15–25.
3. Подорога В. А. Nature Morte. Строй произведения и литература Н. Гоголя. М. : РИПОЛ классик, 2018. 384 с.
4. Яровой С. А. Авторские стратегии взаимодействия с читателем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 29–35.
5. Ходус В. П., Краснокутская С. Д. Этноментальная составляющая пространственных модификаций в текстах Н. В. Гоголя о Петербурге // Гуманитарные и юридические исследования. Филологические науки. 2019. № 3. С. 208–213.
6. Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Философия inferнального в творчестве Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2008. № 7 (89). С. 19–24.
7. Ишанова Е. В. Абсурдный герой в абсурдном мире Гоголя и Кафки. Родственность и различия проблематики произведений // Вестник науки и образования. 2018. № 1 (37), т. 2. С. 63–67.
8. Богданова О. В. Д. Д. Шостакович в контексте «носологии» Н. В. Гоголя // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад. 2017. Т. 18, вып. 4. С. 267–281.
9. Лисик Л. Сходство и различие проблематики и стиля произведений Н. В. Гоголя и Ф. Кафки (на примере повести «Нос» и новеллы «Превращение») // Русский язык за рубежом. 2011. № 6. С. 97–102.

-
10. Смирнов А. С. Н. В. Гоголь и Ж.-П. Сартр в поисках человека: антропология экзистенциализма в повести «Нос» и в романе «Тошнота» // Русистика и компаративистика : сб. науч. тр. по филологии. М. : Книгодел, 2021. Вып. XV. С. 39–55.
  11. Богданова О. В. Смыслоформирующая роль детали в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Верхневолж. филол. вестн. 2019. № 3 (18). С. 8–15.
  12. Федорова Е. Е. Маска как сокрытие: обман и самообман // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62), ч. III. С. 182–184.
  13. Красноярова Н. Г. Основные принципы философии культуры как методологии // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (4). С. 23–26.
  14. Беляев И. А. Концепция культуры Д. В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 10. С. 14–17.
  15. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика в травме // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991. С. 155–163.